

К 150-ЛЕТИЮ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КОРЕЙЦЕВ В РОССИЮ ЖЕНЩИНЫ-КОРЕЯНКИ В СОЮЗЕ ССР. 1920 – 1930

Сон Ж.Г.

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Title: *To the 150th Anniversary of the Resettlement of Koreans to Russia. Korean Women in the Soviet Union. 1920-1930*

Author: *Son Zh.G., Higher School of Economics – National Research University, Moscow, Russia*

Abstract: *This article focuses on the definition of the role and status of Korean women in socialist construction in the Soviet Far East.*

In this article author applied to the materials of Far Eastern newspapers. Analysis of the information contained in the media, allows to solve the problem, determines what measures were taken to implement state regulation of the status of women in the Far East, the state policy on the involvement of the female population in the socio-political, socio-economic life of the region.

Keywords: *resettlement of Korean, deportation, Koreans, Soviet Far East, adaptation, state gender policy, cultural assimilation*

Ключевые слова: *переселение корейцев, депортация, корейцы, советский Дальний восток, адаптация, государственная гендерная политика, культурная ассимиляция*

История переселения корейского населения на территорию русского Дальнего Востока привлекает внимание ученых не одно десятилетие. В современной российской историографии освещаются миграционные процессы корейцев на территорию России, начиная с 1864 г., исследования посвящены добровольной и принудительной переселенческой политике советского государства, адаптации и ассимиляции корейцев.

Фактически еще в 1930-х гг. историки и экономисты определили роль и значение корейского населения в социально-экономическом развитии советского Дальнего Востока. Например, Н.В. Кюннер в 1929 г. в статье «Корейцы в Дальневосточном крае», отмечал, что «ныне наблюдается не только значительный подъем корейского хозяйства в крае, которое в растущей мере оказывает влияние на положение всего хозяйства Дальневосточного края и в некоторой мере остального Союза (в связи с рисосеянием), но и в

особенности культурный и социально-политический подъем всего корейского населения, который превращает корейцев Приморья в неразрывную составную часть сплоченной трудовой семьи населения всего СССР» [Кюнер, с. 93]. В этот же период экономист А.М. Ярмош представил свои расчеты экономической эффективности от корейской иммиграции и участия их в развитии рисоводства на Дальнем Востоке. По его мнению, ежегодный прирост корейского населения на русском Дальнем Востоке в 10 000 человек позволил бы к 1936 г. увеличить посевную площадь посевов риса до 100 000 га (в 1926 г. было освоено только 9000 га) [Ярмош, с. 98].

Этнографические исследования о советских корейцах проводились Р.Ш. Джарылгасиновой, труды Б.Д. Пака, Н.Ф. Бугая посвящены истории российских (советских) корейцев, одним словом в постсоветский период российскими учеными подготовлены десятки монографий по истории и культуре русскоязычных корейцев.

Проблемы гендерных отношений в СССР, женский вопрос в политике советского государства, участие женщин в советской индустрии в 1920-1930-е гг. освещаются в трудах И.А. Арефьевой, В.З. Гольдман, Ю. Градской, Я.С. Мазуровой и др.

Политика советского государства в отношении женщин как источника трудовых ресурсов на Дальнем Востоке подробно исследуется в диссертации И.А. Арефьевой «Гендерный аспект формирования населения Дальнего Востока СССР: 1920-1930-е гг.».

Вопросы, касающиеся определения роли и места женщин-кореенок в социалистическом строительстве на советском Дальнем Востоке остаются актуальными. В восточном обществе, многие века существующем согласно конфуцианским канонам, не принято рассуждать о роли и месте женщины в семейной и общественной жизни. Однако в эпоху глобализации, а также процессы демократизации российского общества, берущие свое начало в 1990-х гг., роль женщины в развитии общества несоизмеримо выросла, гендерные вопросы требуют более детального изучения.

В исследовании М.Г. Котовской и Н.В. Шалыгиной «Московские корейцы (гендерные аспекты адаптации)» отмечается, что и в 1990-х гг., в условиях **инноэтничного** окружения, поло-ролевая структура московских корейцев

продолжает сохранять свою самобытность. Авторы исследования связывают это, прежде всего с тем, что конфуцианские традиции по-прежнему оказывают влияние на все сферы частной жизни корейцев, внутрисемейные отношения [Котовская, с. 251]. Вряд ли правильным будет утверждать о какой-либо **иноэтнической** среде, поскольку русскоязычные корейцы проживают фактически во всех регионах России. Необходимо отметить, что в местах компактного проживания русскоязычных корейцев сохраняются некоторые обычаи и традиции, однако, корейцы, проживающие единичными семьями, численность которых по всей России установить сложно, фактически их утратили, не говоря уже о корейском языке.

Научный интерес вызывает переходный период, а именно 1920–1930-е гг. – переломный момент для всех этнических общностей, проживавших на территории Союза ССР. Важно проследить изменение гендерных ролей в экстремальной ситуации, возникшей в масштабах целого государства: революции, массовые миграции, тотальная перестройка социально-политической системы и т.д.

В представленном сообщении, автор обратилась к материалам дальневосточных газет. Анализ информации, содержащейся в СМИ, исследуемого периода позволяет решить поставленную задачу, определить какие принимались меры по осуществлению государственного регулирования положения женщин на Дальнем Востоке, государственной политики по вовлечению женского населения в общественно-политическую, социально-экономическую жизнь региона.

Особенности адаптации женщин-кореенок на территории российского Дальнего Востока

Исследователи отмечают, что гендерный порядок и гендерные роли всегда имели достаточно сильную специфику, зависевшую от социальных групп. Степень выраженности гендерных различий и их характер имеют под собой социальную базу и в значительной мере отражают особенности конкретной культуры. Анализ различий поло-ролевого поведения этнической общности, в частности, корейской, позволит установить причинно-следственные связи их существования и адаптации в полиэтнической среде в указанный период.

В результате целенаправленной государственной социальной политики советских и партийных органов в 1920–1930-е гг. было сформировано женское население Дальнего Востока СССР. Однако поле демографического равновесия региона оставалось нестабильным. Даже массовые переселения на Дальний Восток СССР не решили проблему нехватки женщин. Отдаленность от центра, суровый климат, отсутствие условий для жизни и другие сложности являлись причинами того, что женщины менее охотно вселялись на Дальний Восток СССР по сравнению с мужчинами и более охотно его покидали [См.: Арефьева].

Активные переселения женщин на Дальний Восток СССР в 1930-е годы осуществлялись в основном в города, сюда же переселялись и бывшие сельчанки. В результате доля жительниц села сократилась, а доля горожанок возросла. Переселенками на Дальний Восток СССР в основном являлись жительницы центральных районов России, Украины, Белоруссии. Доля русских среди дальневосточниц в указанный период колебалась в пределах 50 %, украинок – 22–23 %, белорусок – 7–8 %, численность переселенек из других частей СССР была незначительной. Ощутимую долю среди населения Дальнего Востока СССР составляли переселенцы из близлежащих соседних государств – Кореи, Китая. На долю женщин-восточниц приходилось до 15 % женского населения региона: кореянок было примерно 12 %, китайок – 3 % [Там же]. По данным Далькрайкома, в 1930 г. только во Владивостокском округе проживало 71 461 кореянка, включая девочек [Цой].

До революции 1917 г. корейцы проживали компактно на территории русского Дальнего Востока, сохраняли свою культуру, язык и традиции. Мужское корейское население активно участвовало в общественно-политических изменениях, происходивших на территории России: революция, гражданская война, партизанское движение, антияпонская борьба. В этих условиях мужчины-корейцы были склонны к ассимиляции с русскоязычным населением.

Что касается женской части населения, особенно в сельских местностях, в рассматриваемый период, практически не поддавалась этому процессу. Это было связано, прежде всего, с положением женщины в Корее, которое сохраняло во многом свою силу и на российском Дальнем Востоке.

Многие европейцы, в том числе и русские этнографы, путешественники, церковные служители, впервые посетив Корею, удивлялись и сочувствовали бесправному положению корейцев. Незавидное положение женщин заключалось в том, что мужчины-корейцы относились к женщинам как низшему существу, а законы и обычаи страны не признавали за ними никаких прав [См.: Епископ Хрисанф].

Крестьянки, кроме полевых работ, отмечает этнограф В. Серошевский, ткнут холст и бумажные ткани, шьют платья, плетут циновки, стирают белье, ухаживают за домашними животными, солят, сушат, квасят, заготавливают впрок на зиму огородные и полевые продукты, толкут рис и просо на крупу, мелют муку, к тому же исполняют ряд мелких домашних работ, иногда крайне неприятных, тягостных и унижительных услуг по отношению к мужчинам. Для корейки такое положение было более чем естественным состоянием, и она не представляла для себя другой жизни.

После прибытия в Россию, эти обычаи не изменились. Одежда, язык, отношение к мужчинам оставались те же, корейки так же носили тяжести на голове, при встрече с проезжающими сходили с дороги и поворачивались к нему спиной, при разговорах опускали голову или вообще старались уйти.

И все же утверждать, что женщины-корейки в чем-то не раскрепощались, было бы не верно. В начале XX в. наблюдается обрусение женской половины корейцев, в первую очередь этот процесс происходил в городах.

К этому периоду на российском Дальнем Востоке сформировалась корейская интеллигенция, образованные корейцы вопреки традициям, обучали девочек в школах, женских гимназиях. Среди женщин появились учителя, несмотря на то, что традиционно учителями должны были быть мужчины. В городах Владивостоке, Хабаровске, Никольск-Уссурийске, там, где кипела городская жизнь, корейки с большим удовольствием интегрировались в русскую культуру. Прежде всего, это отразилось в их одеянии, корейские платья сменили европейские одежды и изучении русского языка.

Ярким примером эмансипированной женщины-корейки является Александра Петровна Ким-Станкевич (корейское имя – Эрим) (1885–1918) – участница трех русских революций, первая корейская революционерка, организатор корейских социалистов.

Она родилась 24 апреля 1885 г. в д. Синельниково Никольск-Уссурийского уезда Приморской области в интеллигентной семье. Ее отец знал несколько восточных языков и работал переводчиком на строительстве КВЖД. После смерти в 1895 г. отца А.П. Ким уехала во Владивосток к брату.

После окончания Владивостокской женской гимназии А.П. Ким работала учительницей, вышла замуж за сына друга отца поляка М.И. Станкевича и в 1908 г. родила сына Владислава. Но брак оказался несчастливym. Муж вел праздный образ жизни, пьянствовал. А.П. Ким вторично вышла замуж за преподавателя русского языка Огай Василия Васильевича, который разделял взгляды своей жены, а впоследствии стал видным деятелем корейского национального движения в России [Александра Петровна Ким-Станкевич].

Пример замужества А.П. Ким за поляка М.И. Станкевича может являться своеобразным вызовом всему корейскому феодальному обществу, где не допускалась свобода выбора супруга, тем более не могла идти речь о межэтнических браках. Даже несмотря на то, что брак этот оказался неудачным, можно утверждать, что в начале XX в. иммигранты-корейцы претерпевали структурную ассимиляцию. Применяя понятие «гендерного дифференциала» к адаптивным процессам, то дельта «успешности» между мужчинами и женщинами была не стабильна и стала причиной начала сложного поло-ролевого конфликта.

Причина, по нашему мнению, заключалась в следующем, в традиционной корейской семье рождение дочери не приветствовалось, считалось, что это лишние затраты и родители сразу после рождения старались договориться с другой семьей о ее будущем замужестве. Обычно невеста была на несколько лет старше жениха. Понятия, характерные для европейского общества, «брак по любви», «выйти замуж по любви» отсутствовали в корейском обществе.

Ассимиляция в русскую культуру позволила взглянуть на семейно-брачные отношения с другой стороны. Женатые мужчины недовольные таким браком находили себе молодых девушек, зачастую другой национальности, что приводило к распаду первой семьи. Девушки-корейки пытались побыстрее покинуть отчий дом, по возможности уезжали в другие города на учебу и там выходили замуж по любви. Революционные события в России пробуждали в корейках дух борьбы не только за

освобождение рабочих и крестьян, но и за равноправие между полами.

Государственная гендерная политика в Союзе ССР

После Октябрьской социалистической революции в многочисленных декретах и законах было закреплено равноправие женщины. Они гарантировали равные возможности при получении образования, равную зарплату за одинаковую работу, равные права при заключении и расторжении брака и многое другое. Различные государственные и партийные институты, а также отдельные активистки-революционерки выступали в двадцатые годы за реализацию официальных предложений, связанных с эмансипацией.

С установлением советской власти на Дальнем Востоке корейские женщины с воодушевлением приняли новую власть, провозглашенные декреты о равенстве полов, освобождении женщин от семейного рабства. Корейки, родившиеся на территории России в начале XX в., к 1930-м гг. наряду с родным языком владели русским языком. Это не могло не содействовать изменению их самосознания, осознанию разницы условий жизни в Корее, где бесчинствовали японцы, насаждая свою японскую культуру, язык. Через восприятие русской культуры расширялось мировоззрение корейнок. Они воспринимали Россию как вторую родину.

В конце 1920-х–1930-е гг. советское государство развернуло мощную кампанию с целью изменить положение восточной женщины. На наш взгляд, уравниванием прав женщин, решалось сразу две задачи. Во-первых, в обязательном порядке все женщины СССР привлекались к общественной жизни и трудоустройству на производстве. Во-вторых, началась борьба с искоренением религиозных предрассудков, национальными обычаями и традициями, не совместимыми со строительством нового советского общества.

Особенно тяжело переживало эти перемены сельское население, устоявшиеся традиции уходили медленно, зачастую трагически. Мужчины сопротивлялись предоставленной свободе женщинам, запирали их в домах, не обходилось и без рукоприкладства.

Вряд ли вмешательство в личную жизнь какой-либо этнической общности было правомерным. И с точки зрения гражданского права, и духовно-нравственной жизни эти принципы были нарушены. Насажение своей воли, требование беспрекословного подчинения со стороны органов власти вызывало внутреннюю агрессию мужского населения, отчего страдали в первую очередь женщины.

Несмотря на сопротивление со стороны мужчин в семейных отношениях, кореянки принимали активное участие во всех начинаниях партийных и советских органов. Так, 13 февраля 1929 г. в Хабаровске состоялось первое окружное совещание по работе среди кореянок.

На повестке дня стояли следующие вопросы:

1. Очередные задачи партийной работы среди кореянок;
2. Дальнейшее политическое воспитание широких масс трудящихся кореянок;
3. Освобождение их из плена национальных и религиозных предрассудков;
4. Решительная борьба с проявлениями шовинизма и антисемитизма;
5. Усиленная работа по интернациональному воспитанию.

Далее отмечалось, что Хабаровская парторганизация имеет ряд больших достижений в работе среди кореянок. В настоящее время насчитывается 24 делегатских собраний с 384 делегатками. Налицо рост активности кореянок в последних пере выборах советов и увеличение количества их в составе сельсоветов по сравнению с прошлым годом. Созыв первого совещания по работе среди трудящихся кореянок является лучшим доказательством стремления партии к скорейшему и сильнейшему вовлечению восточной женщины в социалистическое строительство и ее фактическому раскрепощению [Лавинская 1929].

Решение Советского правительства искоренить веками устоявшиеся традиции могло иметь только сопротивление по отношению к тем, против кого эти меры были направлены. Появлялась необходимость перевода этой стороны жизни на правовую основу, принимались соответствующие постановления.

В связи с этим, 23 февраля 1930 г. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР утвердил Постановление «Об усилении мер социальной защиты за убийство женщин в связи с их раскрепощением». Принятие столь жесткого положения

не дало ожидаемых результатов. В реальности ничего не изменилось. Спустя пять лет, в мае 1935 г. Президиум Совета национальностей ЦИК СССР принял новое Постановление «О фактах грубейшего нарушения советской законности в отношении прав трудящихся женщин Востока» [Сон, с. 262].

Что касается корейского населения, то до убийств жен корейскими мужьями не доходило. Однако инцидентов было достаточно много. В «Тихоокеанской звезде» публиковались критические статьи, направленные на искоренение «отрыжек старого быта», например: «Делегатка Ким Ольга Ханкайского района с. Сентуки, активистка, 8 марта 1929 г. должна была вступить в комсомол. Муж воспротивился этому, допуская рукоприкладство...» [Цой 1930]. Унизительное положение корейнок, когда родители продавали своих дочерей, имело место во всех корейских деревнях и селах. Так, кореец Ким продал свою дочь Эгем четырнадцатилетнему односельчанину Цой за опий [Там же]. Для искоренения подобного рода предрассудков потребовались годы.

Участие корейских женщин в социально-культурном развитии советского Дальнего Востока

Как уже отмечалось, руководством страны планировалось всех женщин Союза ССР привлечь к общественно-полезному труду, вырвать из семейных уз, дать образование и профессию. Применение женского труда в народном хозяйстве возрастало быстрыми темпами, особенно в промышленных районах страны. Это способствовало раскрепощению женщин, активному участию их в борьбе за построение нового, социалистического общества. Работая на промышленных предприятиях, стройках, в учреждениях, наиболее сознательная часть женщин вступала в коммунистическую партию, профсоюзы, комсомол.

Об изменении самосознания и общественного сознания корейнок констатируют сообщения из газеты «Тихоокеанская звезда» за 1926 г. По мере проведения советизации корейского населения, увеличения партийного и комсомольского влияния на жизнь корейской деревни возрастала и активность женщин-корейнок.

Женщины-корейки участвуют в предвыборных кампаниях делегатских собраний, если в 1925 г. в выборах участвовало не

более 120 человек, то в 1926 г. в с. Таудеми в предвыборном собрании делегатов участвовало 320 крестьянок, а в с. Синельниково – 200 кореенок. В самом густонаселенном корейцами Посьетском районе в предвыборной кампании сельсоветов участие женщин в Посьетском районе выразилось в 40% против 10% предыдущего года. Во всей Приморской губернии количество делегатов увеличилось с 1444 до 2981 человека. В 1926 г. в перевыборах делегатских собраний участвовало 46 027 женщин, из них 16 104 – корейки-крестьянки [Работа среди кореенок 1926].

С середины 1920-х гг. в корейской семье происходили коренные изменения. Для кореенок представилась возможность учиться, получать профессию, активно решался вопрос в организации детских яслей, детских площадок, куда можно было привести детей и заниматься профессиональной деятельностью.

В публикации «Работа среди кореенок» отмечается, что активность делегатов корейской деревни в общественной работе разрушает феодально-бытовые традиции. Постепенно корейское население начинает смотреть на общественную работу женщин, как на «обыкновенное дело». Исчезают массовые случаи избияния женщины за посещение ею ликпункта или собрания. Продажа девушек еще ведется, но и она ушла в глубокое подполье. С этим явлением ведется борьба через сельсоветы, через беседы с отцом, продающим дочь и женихом – покупателем девушки», пишет автор статьи [Там же].

Подводя итоги проведенной агитационной работы, в сообщении отмечается, что за два с половиной года корейки-активистки достигли значительных успехов, более того, возникла необходимость создания краткосрочных курсов для подготовки работников в партийных и советских органах.

Корейки проявляли мобильность в организации шелководческих артелей, столовых, пошивочных мастерских, где главным образом требовались женские трудовые ресурсы. Однако, зачастую не имея финансовой поддержки, женские артели испытывали огромные трудности.

Шелководство на Дальнем Востоке появилось благодаря корейкам, переселяясь на русскую территорию, они непременно везли с собой тутовые саженцы, разводили плантации для откорма шелковичных червей и ручным способом изготавливали шелк. О проблемах развития шелководства на советском Дальнем Востоке,

о том, что трудолюбивые корейцы «невежественные, погрязшие в предрассудках старины» внесли огромный вклад по акклиматизации риса, бобов и тутового дерева, констатируется в «Тихоокеанской звезде» за 9 мая 1928 г. [Советский или контрабандный шелк 1928].

Автор заметки отмечает, что в 1917 г. в Приморье было только 15 шелководческих хозяйств с 15 тысячами тутовых деревьев. В 1925 г. земельное управление ввезло из Кореи 130 тыс. тутовых деревьев, в 1926 – 1 200 000 деревьев, а в 1927 г. была ввезена и грена (яички шелковичной бабочки). Результаты сказались быстро – к концу 1927 г. в Приморье имелось 500 частных шелководческих хозяйств и 17 артелей. На плантациях насчитывается 818 тыс. тутовых деревьев (из них 641 тыс. в руках артелей), такое же количество растет в питомниках. В округе заложено и работают 144 показательные плантации. Спрос на шелковицу и грену не удовлетворяется. Кустарная обработка невыгодна. Просим найти сбыт нашей продукции. Нужна фабрика. Вносим предложение построить ее на средства артелей. Фабрика нужна, она должна быть построена на кооперативных началах [Там же]. Фактически это письмо-обращение к властям оказать помощь в строительстве шелковичной фабрики, которая могла бы удовлетворить потребность в шелке весь Дальневосточный край.

С 1930-х годов в издаваемых газетах стали появляться статьи и фотографии корейцев – ударниц производства, делегатов конференций, передовиков сельского хозяйства. Следует отметить, как национальную черту корейцев, развитое чувство коллективизма. Они объединялись в сельские бригады, выполняли полевые работы в колхозах, в шелководческих бригадах. Корейцы отличались своей дисциплинированностью, инициативой, трудолюбием. Они участвовали в снабжении красноармейцев продовольствием, контролировали выдачу школьникам одежды и обуви, содействовали улучшению культурно-бытового положения рабочих.

Советские корейцы работали во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства Дальнего Востока. Прежде всего, в сельском хозяйстве и животноводстве они выполняли все работы, от полевых до механизаторских, агрономов. Они были и на руководящих должностях – председателями колхозов, сельсоветов и т.д. В городах значительная часть корейцев были заняты на швейных и

кондитерских фабриках, работали укладчицами на рыбозаводах. Среди них были орденосцы, ударницы, стахановки, передовики производств. Например, среди животноводов орден В.И. Ленина получила Тянь Менсук колхоз «Червоная земля» Молотовского района. Ударница Хабаровской швейной фабрики Ли Пелагея, стахановки-укладчицы рыбозавода Хен Екатерина и Кан Гымон, выполняли свои ежедневные нормы на 200 % и др. [Орденосцы-животноводы в Хабаровске 1936].

Женщины вносили заметный вклад в развитие сферы культуры, народного творчества. Для корейских женщин открылись возможности проявить свои творческие способности. Ежегодно стали проводиться смотры и олимпиады художественного творчества, где проявляли себя и корейские творческие коллективы. Так, в Хабаровске начался творческий путь танцовщицы Аллы Ким, дочери известного революционера Ким Мангёма. Будучи школьницей, она выступила на Краевой олимпиаде художественного творчества. Жюри олимпиады были отмечены ее незаурядные способности в исполнении пластического танца. Алла Ким была направлена на учебу в Ленинград, в дальнейшем стала известной артисткой. На этой же олимпиаде выступали рабочие из Владивостока, представлявшие Корейский творческий клуб [Цаллихин 1936].

Участие женщин в общественном производстве требовало постоянного повышения ими своего образовательного, идейно-политического и культурного уровня. Все эти мероприятия давали женщинам возможность проявлять и развивать творческие способности. Общественно полезный труд на благо Родины и сознание личного вклада в него делали кореянку содержательной и целеустремленной.

Заключение

Жизнь в России трансформировала систему взаимоотношений в обществе, характерную для корейской культурной традиции. Корейцы восприняли правила игры, которые предлагала, а иногда и навязывала им социально доминирующая группа. Сначала это были нормы, ценности, установки русской культуры, затем, может быть, шире, советской, в какой-то степени попытавшейся объединить народы, населяющие нашу страну. Тем не менее, корейцы не отказались

полностью от некоторых, важных для выживания элементов традиционной социальной структуры и соответствующих ей отношений. Их упростили, но стержень – взаимоотношения внутри семьи между поколениями, родственниками, – в основном сохранился [Волкова 2004].

Русскоязычные корейцы, проживают в России 150 лет, по нашему мнению, за этот период произошла культурная ассимиляция. Этническое сознание корейцев претерпело кардинальные изменения, с одной стороны, этому способствовало активное проведение с 1920-х годов ленинской национальной политики, жесткие репрессивные меры против советского народа, направленные на создание новой общности «советский народ», приведшие к тому, что были утрачены язык, национальные традиции. Но и желание самих корейцев принять культуру государствообразующего народа, стремление занять достойное место в этом обществе, дать образование своим детям, стать полноправными гражданами Союза ССР (России).

В осуществлении этих целей одна из главных ролей принадлежит женщинам-корейкам, оставаясь традиционными хранительницами семейного очага, они в то же время были на передовом фронте строительства советского общества. В период массовых репрессий 1930-х годов в Союзе ССР, когда фактически в каждой третьей семье были репрессированы главы семейств, превентивно обвиненные в шпионаже в пользу Японии, женщины-корейки не пали духом, несли бремя жен «врагов народа» и оправдывали это только своим трудом и воспитанием детей [Сон 2013]. Несмотря на внешние факторы, внутренне они оставались верными конфуцианским традициям и передавали их своим детям. Прежде всего, речь идет об уважении к государству, родителям, законопослушании и трудолюбию.

Список использованной литературы:

1. Александра Петровна Ким-Станкевич.
2. Очерки, документы и материалы. / Сост. Б.Д. Пак, Б.Б. Пак. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008.
3. Арефьева И.А. Гендерный аспект формирования населения Дальнего Востока СССР: 1920–1930-е гг. Автореферат диссерт. на соиск... к.и.н. Хабаровск, 2009.
4. Вовлечение корейского населения в производство // Тихоокеанская звезда. 28 декабря 1929.

5. Волкова Т.В. Российские корейцы: к вопросу о самоидентификации // Этнографическое обозрение, 2004 г., № 4.
6. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917 – 1937 гг.) / Венди З. Голдман; [пер. с англ. В.Ю. Лобовской]. М.: РОСПЭН, 2010.
7. Градскова Ю. Женщина и политическая система советского государства. МГУ. (www.owl.ru/win/research/gradskova.htm)
8. Джарылгасинова Р.Ш. Корейцы России // Этнографическое обозрение, 2004 г., № 4.
9. Джарылгасинова Р.Ш. Историческая топонимия корейских поселений на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в. // Этнографическое обозрение, 2004 г., № 4.
10. Епископ Хрисанф. От Сеула до Владивостока. СПб., 1905. С. 102.
11. Корейский «Авангард» // Тихоокеанская звезда. 6 мая 1928.
12. Котовская М.Г., Шалыгина Н.В. Московские корейцы (гендерные аспекты адаптации) / Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001. С. 237- 251.
13. Кюнер Н.В. Корейцы в Дальневосточном крае//Этнографическое обозрение, 2004 г., №4.
14. Лавинская Н. Парторбота среди корейцев // Тихоокеанская звезда. 28 декабря 1929.
15. Мазурова Я. С. Участие женщин в социалистической индустриализации страны // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., Мысль, 1981. С. 35-54.
16. Мотов Н. Почему мало женщин в ловецких бригадах? // Тихоокеанская звезда. 28 апреля 1935.
17. Орденосцы-животноводы в Хабаровске // Тихоокеанская звезда. 9 марта 1936 .
18. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930 гг.). – М., Иркутск, Дипакадемия МИДа РФ, 1995.
19. Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004.
20. Первый женский интернациональный вечер // Тихоокеанская звезда. 7 марта 1929.
21. Перевыборы у корейского населения // Тихоокеанская звезда. 27 декабря 1928 .
22. Работа среди корейцев // Тихоокеанская звезда. 16 января 1926.
23. Советский или контрабандный шелк // Тихоокеанская звезда. 9 мая 1928.
24. Совещание по работе среди корейцев // Тихоокеанская звезда. 23 марта 1929.
25. Сон Ж.Г. Российские корейцы: всевластие и бесправие этнической общности. 1920–1930. М., 2013.

26. Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана, 1936. С. 10-11, 25.
27. Цаллихин Б. Народное торжество // Тихоокеанская звезда. 2 октября 1936.
28. Цой М. Корейка в новой стройке // Тихоокеанская звезда. 8 марта, 1930.
29. Школы национальных меньшинств // Тихоокеанская звезда. 29 января 1929.
30. Ярмош А.М. Движения населения Дальневосточного края на десятилетие 1925–1936 гг. // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Ежемесячное издание Дальневосточного краевого исполнительного комитета. Хабаровск, 1927. №1/2. С. 98.